

Андрей Чернышев.

Гуманист, не веривший в прогресс

Предисловие к 6-ти томному изданию сочинений М. Алданова

Источник: "Дальние берега"; Стихи, проза.

Издательство: "Удмуртия", Ижевск, 1990.

Библиотека Александра Белоусенко - <http://belousenkolib.narod.ru>, 15 октября 2003.

В написанном перед началом второй мировой войны М. А. Алдановым романе с выразительным названием "Начало конца" есть такая сцена: два персонажа, гуляя по Версальскому парку, ведут нескончаемый разговор о связи времен. Их диалог остроумен и горек, кажется, в воздухе разлитое предчувствие катастрофы, и тем острее люди, особенно немолодые, ощущают свое бессилие перед событиями, становятся склонными к иронии. У Алданова диалог прежде всего игра мысли, он лишь в малой степени служит продвижению действия. Писатель сталкивает своих персонажей с масштабными историческими событиями, им приходится сопоставлять прошлое и настоящее, они вспоминают старые афоризмы. Говорят о завершившем первую мировую войну Версальском мирном договоре, о том, что когда-то в Версале братья Монгольфье впервые подняли в воздух наполненный горячим дымом шар.

"- Себастьян Мерсье, памфлетист XVIII века, написал книжку "2440 год". Автор, видите ли, просыпается в 2440 году в Версале и ничего не узнает: груды развалин, и на них плачет седой нищий: ничего не осталось от лучшего в мире дворца, созданного гением и гордостью одного человека.

- А нищий-то отчего плачет? Ему-то что?

- Ваш вопрос не лишен основательности, но, разумеется, этот нищий - сам Людовик XIV, тоже как-то воскресший в 2440 году.

- Какой ужас!

- Самое замечательное в этой плохой книжке то, что она была написана за несколько лет до Великой революции. Помните, один из идиотов Конвента предлагал повесить на Версальском дворце надпись: "Maison a louer" [Дом сдается (франц.)], а другой требовал, чтобы место дворца тиранов было распахано плугом. Плугом! Тогда еще не было аэропланов.

- С вами погуляешь, тотчас становится весело. Сколько времени, однако, вы нам еще даете? Если до 2440 года, то я, пожалуй, согласна.

- Нет, нет, афоризм "после нас хоть потоп" устарел. Мы с вами еще покатаемся по волнам потопа".

Этот отрывок очень характерен для своеобразного стиля Алданова. За скептическую усмешку и изящество отточенного слога его называли русским Анатолем Франсом. Даже те, кто не относился к его поклонникам, отдавали ему должное. "Алданов очень умен, остр и образован. У него тонкий, гибкий ум, склонный к парадоксам и рассудочному скептицизму", - отмечал в 1925 году критик Марк Слоним (тогда появились только первые его книги). [М. Слоним. Романы Алданова. "Воля России", Прага, 1925, No 6, с. 160.] Через четверть века, в 1950 году для поэта Георгия Иванова являлось аксиомой: "Имя Алданова, бесспорно, самое прославленное из имен русских писателей". [Г. Иванов.. Алданов. "Истоки". "Возрождение", Париж, 1950, No 10, с. 179-182.]

И. А. Бунин, став в 1933 году Нобелевским лауреатом, обрел право выдвигать на Нобелевскую премию собратьев по перу. Он из года в год выдвигал Алданова. Книги Алданова переведены на 24 языка, о нем спорят, ему посвящают монографии и диссертации. В Париже в 1976 году вышла объемистая библиография его произведений.

И только на родине писателя, в нашей стране его имя было до последних лет насильственно изъято из обращения. Первой ласточкой стала публикация в 1988 году романа "Девятое термидора" в журнале "Сельская молодежь". Публикация была осуществлена, к сожалению, с купюрами, но значительно, что ей предпослал вступительную заметку такой крупный авторитет, как академик Д. С. Лихачев. Вскоре последовали двухтомник, содержащий тетralогию "Мыслитель", в "Дружбе народов" и "Юности" были напечатаны романы "Ключ", "Истоки", рассказ "Астролог", в разных журналах и газетах появилось несколько очерков Алданова. Однако все это лишь небольшая часть наследия писателя. Он был необычайно плодовит, полное собрание его